СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 821.161.1-31(Водолазкин Е. Г.)+811.161.1'42. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-98-109.
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444+Ш141.12-51.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ АРГУМЕНТАЦИИ В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» С ПРИМЕНЕНИЕМ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Митрофанова И. И.
Российский университет дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0532-8841
SPIN-код: 6977-1768

Гун П.
Российский университет дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-6062-5575

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических средств аргументации в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» с использованием различных способов работы с LLM. Предмет исследования составляют лексико-дискурсивные единицы, выполняющие аргументативную функцию в конкретных речевых ситуациях и участвующие в обосновании оценки, поступка и нравственно-религиозного тезиса, маркировании источника и степени достоверности знания, а также интерпретации события. Цель работы заключается в выявлении и описании лексико-дискурсивных средств аргументации на материале четырех фрагментов романа, представляющих разные речевые ситуации. Методология исследования включает семантический, дискурсивный и контекстуальный анализ, первичную обработку текста с помощью LLM и последующую ручную лингвистическую верификацию по критериям принадлежности единицы к заданному корпусу, точности цитирования, ее синтаксической роли и аргументативного значения. Исследование носит качественный, фрагментарный характер и не претендует на статистическое описание всего романа. Полученные результаты ограничены составом заданного корпуса, формулировкой использованной инструкции и условиями первичной LLM-обработки. Выделены три функциональные группы: собственно аргументативные маркеры, эпистемико-модальные и риторико-прагматические конструкции, а также контекстуально аргументативные лексические единицы. Показано, что в анализируемых фрагментах обоснование оценки и нравственно-религиозной позиции, а также маркирование источника и степени достоверности знания реализуются не только посредством эксплицитных причинно-следственных и выводных маркеров, но и посредством лексических единиц, аргументативная функция которых возникает в конкретном контексте. Теоретическая значимость исследования состоит в разграничении прямого и контекстно обусловленного участия языковых единиц в аргументации художественного текста и в уточнении критериев их квалификации в конкретной речевой ситуации. Практическая значимость результатов связана с возможностью их использования в лингвистическом анализе художественного дискурса, при разработке способов аннотирования текстового материала с помощью LLM, а также в курсах по лингвистике текста, дискурс-анализу и цифровым гуманитарным исследованиям. Установлено, что в рамках заданного корпуса и единой инструкции три использованных LLM-интерфейса обнаруживают разные типы ограничений: выход за границы корпуса, преимущественную ориентацию на эксплицитные маркеры и расширительное включение тематических или эмоционально-оценочных единиц в число аргументативных.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; романы; художественные тексты; художественный дискурс; аргументация; Е. Г. Водолазкин; большие языковые модели; аргументативная функция; лексико-дискурсивные средства; эпистемические показатели; LLM-инструменты; ручная верификация; речевые ситуации; агиографический дискурс

Для цитирования: Митрофанова, И. И. Анализ лексических средств аргументации в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» с применением больших языковых моделей / И. И. Митрофанова, П. Гун // Филологический класс. – 2025. – Т. 31, № 3. – С. 98–109. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-98-109.

AN ANALYSIS OF THE LEXICAL MEANS OF ARGUMENTATION IN E. G. VODOLAZKIN'S NOVEL *LAURUS* USING LLM TOOLS

Irina I. Mitrofanova
RUDN University (Moscow, Russian Federation)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0532-8841

© Митрофанова И. И., Гун П., 2026

Ping Gong
RUDN University (Moscow, Russian Federation)
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-6062-5575

Abstract. This article examines lexical means of argumentation in Eugene Vodolazkin's novel *Laurus* using different methods of working with large language models (LLMs). The object of the study comprises lexico-discursive units that perform an argumentative function in specific speech situations and participate in the justification of evaluation, action, or moral-religious idea, in the marking of the source and degree of reliability of knowledge, and in the interpretation of events. The aim of the study is to identify and describe the lexico-discursive units with an argumentative function on the basis of four fragments of the novel representing different speech situations. The methodology combines functional-semantic, discourse, and contextual analysis with preliminary LLM-assisted text processing and subsequent manual linguistic verification according to the following criteria: the unit's inclusion in the corpus in question, quotation accuracy, and its syntactic role and argumentative function. The study is qualitative and fragment-based in nature and does not purport to provide a statistical description of the novel as a whole. The findings are therefore limited by the composition of the corpus, the wording of the instruction used, and the conditions of the preliminary LLM-assisted analysis. The study singles out three functional groups: argumentative markers proper, epistemic-modal and rhetorical-pragmatic constructions, and contextually argumentative lexical units. It is shown that, in the analyzed fragments, the justification of evaluation and moral-religious positions, as well as the marking of the source and degree of reliability of knowledge, is realized not only through explicit causal, consequential, and inferential markers, but also through lexical units the argumentative function of which emerges in a particular context. The theoretical significance of the study lies in distinguishing between direct and context-dependent realizations of the argumentative function of linguistic units in literary texts and in refining the criteria for their functional classification in specific speech situations. The practical significance of the findings is associated with their potential application to linguistic analysis of literary discourse, the development of LLM-assisted procedures of annotating textual material, and the development of university courses in text linguistics, discourse analysis, and digital humanities. It has been found that, within the given corpus and under a unified instruction, the three LLM interfaces used in the study exhibited different types of limitations: crossing the boundaries of the corpus, a predominant orientation toward explicit markers, and the overinclusive classification of thematic or emotionally evaluative units as argumentative.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; novels; literary texts; literary discourse; argumentation; E. G. Vodolazkin; large language models; argumentative function; lexico-discursive means; epistemic indicators; LLM tools; manual verification; speech situations; hagiographical discourse

For citation: Mitrofanova, I. I., Ping, Gong. (2026). An Analysis of the Lexical Means of Argumentation in E. G. Vodolazkin's Novel *Laurus* Using LLM Tools. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 3, pp. 98–109. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-98-109.

Введение

Роман Е. Г. Водолазкина «Лавр» представляет особый интерес для лингвистического исследования, поскольку его языковая организация соединяет современный художественный нарратив, древнерусскую стилизацию, элементы церковнославянской книжности, житийную традицию, богословско-философскую проблематику. В этом тексте значимы не только события, но и способы их речевого осмысления: персонажи и повествователь объясняют болезнь, смерть, телесность, вину, знание, молчание, чудо и человеческое предназначение.

В анализируемых фрагментах речевое обоснование оценки и интерпретации этих явлений реализуется посредством лексических единиц и речевых конструкций; особую роль при этом играют повторы, вопросительные структуры и религиозно-богословская лексика.

Аргументация в художественном тексте редко совпадает с формальным доказательством. Она может быть включена в повествование, диалог, внутреннюю речь, поучение, молитвенное обращение, риторический вопрос или авторскую оговорку. В связи с этим исследование аргументативной организации художественного текста требует внимания не только к союзам причины и вывода, но и к языковым единицам, которые в конкретном контексте участвуют в обосновании оценки, поступка или религиозно-философского положения.

В теории аргументации важным остается представление о том, что убедительность высказывания формируется не только логической правильностью, но и способом языкового предъявления позиции адресату. В отечественной научной литературе аргументация описывается как адресованное речевое действие, связанное с обоснованием позиции, оценкой доводов и воздействием на сознание адресата [Алексеев 2013: 67–68; Кузина 2019: 131–133]. Для художественного текста особенно существенна неявность такого обоснования: аргументативная функция может реализовываться через взаимодействие лексических и синтаксических средств с сюжетной ситуацией, позицией говорящего и конкретным коммуникативным контекстом.

Современное лингвистическое описание аргументации представлено различными направлениями. И. Н. Гавришина рассматривает лингвистически ориентированные концепции аргументации, а В. С. Григорьева акцентирует когнитивный аспект аргументативной деятельности [Гавришина 2018; Григорьева 2022: 140–143]. Для выбранных фрагментов романа «Лавр» такой подход особенно важен, поскольку логическое объяснение в них соотносится с религиозно-богословской интерпретацией, телесным опытом и нравственной оценкой.

Отдельный круг работ посвящен языку и поэтике самого романа Е. Г. Водолазкина. Н. С. Шуринова показывает, что архаические языковые элементы в «Лавре» моделируют картину мира древнерусского субъекта и сближают ее с опытом современного читателя [Шуринова 2016]. О. Кодоцигова связывает роман с агиографической моделью времени и жанровой памятью древнерус-

ской литературы [Кодоцигова 2026]. Эти наблюдения существенны для настоящей статьи, поскольку аргументативные средства в анализируемом материале функционируют не в нейтральном современном регистре, а внутри сложной историко-стилистической системы.

Аргументативная функция лексико-дискурсивных средств романа «Лавр» в рассмотренной нами научной литературе не получила специального систематического описания. В существующих исследованиях внимание преимущественно сосредоточено на архаизации, жанровой памяти, агиографической модели времени и проблеме субъективности, тогда как способы речевого обоснования оценки, нравственно-религиозного тезиса, а также маркирования источника, степени достоверности знания требуют отдельного анализа. Дополнительную исследовательскую проблему составляет проверка того, насколько LLM-инструменты пригодны для первичного обнаружения таких средств в художественном тексте с архаизированным и богословски насыщенным регистром.

Актуальность исследования определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, в отдельных фрагментах романа причинные, эпистемические и оценочные отношения выражаются не только эксплицитными аргументативными маркерами, но и контекстуально значимыми лексическими единицами, в том числе религиозно-богословскими и соматическими номинациями. Во-вторых, распространение больших языковых моделей в гуманитарной практике требует методологического контроля: необходимо установить, какие типы аргументативно значимых лексико-дискурсивных единиц LLM-инструменты выявляют относительно уверенно, какие пропускают и в каких случаях выходят за пределы заданного корпуса.

Объектом исследования являются лексико-дискурсивные единицы, участвующие в аргументативной организации выбранных фрагментов романа Е. Г. Водолазкина «Лавр». Предмет исследования составляют способы реализации их аргументативной функции в конкретных речевых ситуациях, особенности их первичного выявления с помощью больших языковых моделей и последующей лингвистической верификации.

Цель статьи состоит в том, чтобы на материале фрагментов романа «Лавр» описать лексико-дискурсивные средства аргументации и показать условия, при которых LLM-классификация может быть использована как вспомогательный инструмент лингвистического анализа. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: уточнить критерии отнесения языковой единицы к средствам с аргументативной функцией; обосновать состав фрагментарного корпуса; провести первичную LLM-классификацию; выполнить ручную верификацию машинных результатов; выделить основные типы единиц; показать методологические риски (ошибки) автоматизированного анализа художественного материала.

Научная новизна исследования заключается в разграничении прямых и зависящих от контекста возможностей использования языковых единиц для обоснования на материале функционально различающихся фрагментов романа Е. Г. Водолазкина «Лавр», а также в описании условий, при которых единицы, не являющиеся аргументативными маркерами, приобретают функцию обоснования в конкретной речевой ситуации.

Предлагаемая рабочая функциональная классификация позволяет разграничить средства, непосредственно оформляющие отношение основания и вывода, и единицы, аргументативный статус которых устанавливается только с учетом контекста.

Теоретические основания исследования

В настоящем исследовании в качестве рабочего операционального определения лексико-дискурсивных единиц с аргументативной функцией принимаются языковые единицы и речевые конструкции, которые в конкретной речевой ситуации участвуют в обосновании тезиса, оценки, поступка или интерпретации события. Такое понимание опирается на представление об аргументации как речевом обосновании позиции [Алексеев 2013: 67–68; Кузина 2019: 131–133] и на учет имплицитной оценки в аргументативной организации высказывания [Иоанесян 2020].

Существенно, что аргументативная направленность высказывания определяется не только эксплицитными логическими связками, но и лексемами, союзами, грамматическими конструкциями, а также маркерами статуса высказывания. При этом аргументативное значение может быть сопряжено с имплицитной оценкой, которая участвует в ориентации адресата на определенный вывод [Иоанесян 2020].

Для анализа материала в настоящем исследовании используется рабочая классификация языковых единиц с аргументативной функцией. Она не претендует на статус универсальной типологии средств аргументации. Основанием разграничения служат способ участия единицы в отношении между основанием и выводом и степень зависимости ее аргументативной функции от конкретной речевой ситуации.

В соответствии с этим выделяются три группы: 1) собственно аргументативные маркеры, непосредственно оформляющие причинные, следственные, целевые и выводные отношения; 2) эпистемико-модальные и риторико-прагматические конструкции, маркирующие источник и степень достоверности знания, позицию говорящего либо воздействие на адресата; 3) контекстуально аргументативные лексические единицы, аргументативный статус которых устанавливается только в конкретной речевой ситуации.

Рис. Рабочая функциональная классификация лексико-дискурсивных единиц с аргументативной функцией

К маркерам обоснования относятся причинные, следственные, целевые и выводные средства: *потому что, ибо, ввиду, за отсутствием, от этого, вот почему, и потому, значит, чтобы*. Их аргументативная функция распознается по формально-семантической структуре высказывания, поскольку они непосредственно оформляют отношения причины, основания, следствия, цели или вывода. При этом отдельные единицы могут иметь дополнительную стилистическую нагрузку: например, союз *ибо* одновременно выражает причинное отношение и маркирует книжно-богословский регистр.

Эпистемико-модальные и риторико-прагматические конструкции представлены единицами и конструкциями типа *предполагают, многие верили, судя по, скорее всего, можно с уверенностью сказать, мы знаем*, а также риторическими вопросами, перформативными и волюнтативными высказываниями. Их функция состоит не в непосредственном выражении причинно-следственной связи, а в маркировании источника знания, степени его достоверности, позиции говорящего и характера воздействия на адресата.

К контекстуально аргументативным лексическим единицам относятся слова и словосочетания, которые вне конкретной речевой ситуации не являются самостоятельными маркерами аргументации, однако в определенном контексте участвуют в формировании основания, оценки или вывода. В анализируемом материале к таким лексическим единицам относятся, в частности, *слово, молчание, тело, душа, Господь, Творец, Всевышний, грехи, мрак, смерть, воскресение*.

При их функциональной квалификации учитывались четыре условия: 1) лексема непосредственно включена в объяснение, оценку, опровержение или обоснование позиции; 2) она соотносится с реконструируемым тезисом, основанием или выводом; 3) ее исключение существенно ослабляет интерпретируемую аргументативную связь; 4) ее функция определяется с учетом позиции говорящего и конкретной речевой ситуации.

Семантические характеристики таких единиц описываются отдельно от их функционального статуса. Так, в конкретных эпизодах могут актуализироваться религиозно-богословская и соматическая семантика, тогда как оценочная маркированность фиксируется отдельно. Метафорическое употребление при этом рассматривается не как отдельный тип аргументативной лексики, а как способ контекстуальной семантической актуализации единицы.

Для анализа использовалась матрица, позволяющая соотнести языковую единицу с функцией в конкретном фрагменте. Такая матрица особенно важна для художественного текста, где аргументативная связь может реализовываться на разных уровнях языковой организации; поэтому отдельно фиксируются языковая единица, ее синтаксическая роль, семантическая характеристика и функция в конкретной речевой ситуации.

Таблица 1. Аналитическая матрица выявления аргументативной функции

Параметр	*Вопрос к материалу*	*Значение для анализа*
Тезис	Что именно обосновывается?	Позволяет отделить аргументацию от простого описания
Основание	На чем строится объяснение, оценка или вывод?	Выявляет смысловую опору речевого действия
Языковая единица	Какая лексема, формула или конструкция оформляет связь?	Фиксирует материальный носитель аргументативной функции
Источник знания	Кто знает, предполагает, говорит, верит или утверждает?	Различает авторитет, слух, телесное свидетельство и ложную уверенность
Ценностная рамка	В какой системе оценки работает довод?	Показывает, в какой системе ценностей формируется оценка и каким образом она участвует в обосновании позиции
Речевая ситуация	В каком коммуникативном режиме действует единица?	Учитывает поучение, диалог, обвинение, внутренний кризис или авторскую оговорку

Обращение к LLM-инструментам связано с развитием автоматизированного анализа аргументации. В работах по *argument mining* подчеркивается, что автоматическое извлечение аргументов из неструктурированного текста остается сложной задачей, особенно когда рассуждение выражено неявно [Lippi, Torroni 2016; Stab, Gurevych 2017; Habernal, Gurevych 2017; Lawrence, Reed 2019]. Для художественного текста эта сложность возрастает, поскольку аргументативная функция нередко возникает не из формального маркера, а из взаимодействия слова, мотива, оценки, жанрового регистра, сюжетной ситуации.

В цифровом литературоведении вычислительные методы применяются к художественным текстам на разных уровнях – от количественного и стилометрического анализа до автоматической классификации и аннотирования литературных явлений. Х. О. Хатцель, Х. Штимер, К. Биманн и Э. Гиус показывают, что в computational literary studies используются как традиционные методы машинного обучения, основанные на признаках, так и трансформерные языковые модели; при этом вычислительная обработка включается в более широкий процесс литературоведческой интерпретации [Hatzel et al. 2023]. В русскоязычном обзоре М. Аманғазықызы, А. Гыля и В. В. Сиряченко к основным цифровым средствам исследования литературных текстов относятся методы обработки естественного языка (NLP), машинного обучения, эмотивного и сетевого анализа, а также визуализации текста [Аманғазықызы, Гыля, Сиряченко 2024]. Непосредственно возможности больших языковых моделей в литературоведческих задачах рассматривают М. Акадзава и Э. Гиус: в их экспериментальном исследовании Llama 3.1 используется для автоматического аннотирования литературного текста, а ChatGPT – для выполнения отдельных исследовательских операций; полученные результаты демонстрируют как возможности, так и ограничения LLM при работе с литературным материалом [Akazawa, Gius 2025]. Эти исследования показывают, что применение LLM к художественному тексту развивается в русле computational literary studies, однако результаты автоматизированной обработки требуют соотнесения с конкретной исследовательской задачей и последующей филологической интерпретации.

В этом контексте современные большие языковые модели способны выполнять широкий круг языковых задач по инструкции, что связано с развитием предварительно обученных моделей и практик *instruction following* [Devlin et al. 2019; Zhao et al. 2026]. Вместе с тем исследования подчеркивают необходимость специальной оценки таких моделей и учета рисков неконтролируемой генерации, смещения, недостоверной реконструкции контекста и расширения исходных данных [Bender et al. 2021; Chang et al. 2024]. В лингвистическом анализе эти риски особенно существенны: границы корпуса, точность цитаты и контекстуальная функция единицы имеют принципиальное значение.

Материал и методика исследования

Материал исследования представляет собой целевую качественную выборку, сформированную не для количественной репрезентации всего романа, а для проверки аргументативной функции языковых единиц в различных речевых ситуациях. При отборе учитывались следующие признаки: наличие реконструируемого отношения между обосновываемой позицией и основанием; достаточность контекста для функциональной интерпретации единицы; различие источника знания или оценки; различие коммуникативной организации фрагмента.

На основании этих критериев были отобраны четыре контрастных случая: метаязыковое рассуждение о слове и врачевании, дидактико-богословское объяснение, ситуация телесного опыта и кризиса, а также коллективное обвинение с последующей контраргументацией. Число фрагментов определяется задачей качественного контрастного анализа и не рассматривается как исчерпывающая типология коммуникативных ситуаций романа.

Исследование имеет статус качественного фрагментарного анализа. Его выводы не распространяются на весь роман в количественном отношении, но позволяют описать типологически различные механизмы аргументативной организации. В связи с этим в статье не ставится задача подсчета всех аргументативных единиц романа; задача состоит в том, чтобы показать, как одна и та же общая функция обоснования реализуется в разных речевых режимах.

Таблица 2. Состав исследовательского корпуса

Фрагмент, страницы, границы и объем	*Речевая ситуация*	*Аналитическая функция фрагмента*
«Пролегомена». С. 5–7. Границы: от «*Предполагают, что слово врач…*» до «*…считать настоящим*». Объем: около 556 слов	Метаязыковое рассуждение о слове, врачевании, говорении и молчании	Показывает слово и молчание как формы лечебного и персуазивного воздействия
«Книга Познания». С. 25–27. Границы: от «*Человек сотворен из праха…*» до «*…всеобщего воскресения*». Объем: около 493 слов	Дидактико-богословское объяснение тела, души, смерти и воскресения	Репрезентирует сочетание причинно-целевых связей с религиозно-богословской интерпретацией
Эпизод с Устиной С. 69–72. Границы: от «*Понимаю, ответила Устина…*» до «*…передать хотя бы половину боли*». Объем: около 995 слов	Телесно-трагическая ситуация родов, боли, страха и невозможности речи	Показывает переход от сенсорного знания к нравственно-религиозной интерпретации
«Книга Покоя», эпизод с Анастасией. С. 325–327. Границы: от «*Лучше им ее не видеть…*» до «*И мы войдем в твою келью*». Объем: около 739 слов	Коллективно-обвинительная речь и ответ Лавра	Демонстрирует ложную каузацию и ее духовно-аксиологическое опровержение

Первичная LLM-обработка была проведена 3 мая 2026 г. с использованием трех пользовательских LLM-интерфейсов: DeepSeek, ChatGPT и «Алиса AI: Нейросеть Яндекса». Выбор этих интерфейсов имел прагматический характер и был обусловлен их доступностью на дату эксперимента, возможностью работы с русскоязычным текстовым материалом и выполнения одной и той же структурированной инструкции. Используемый набор интерфейсов не рассматривается как репрезентативная выборка существующих LLM-систем; полученные результаты относятся только к указанным интерфейсам и условиям данного эксперимента. Названия конкретных моделей или версий фиксировались по пользовательскому интерфейсу на дату обращения и не рассматриваются как полностью воспроизводимые идентификаторы закрытых коммерческих систем. Всем инструментам был передан один и тот же текстовый документ, содержащий только четыре фрагмента романа. Задача формулировалась на русском языке. Внешние сведения о романе в итоговую разметку не включались; единицы, отсутствующие в заданном корпусе, исключались при ручной проверке. Параметры генерации пользовательских интерфейсов не задавались и не контролировались вручную, что рассматривается как ограничение эксперимента.

Рабочая инструкция была следующей: «Прочитайте предоставленный текстовый документ, содержащий четыре фрагмента романа Е. Г. Водолазкина “Лавр”. Выявите лексемы, словосочетания и синтаксические конструкции, которые выполняют функцию аргументации, обоснования, вывода, оценки или персуазивного воздействия. Для каждой позиции укажите точную цитату, контекст, функцию в аргументации и краткий лингвистический комментарий. Не добавляйте материал, отсутствующий в предоставленном документе. Редкие или спорные элементы помечайте как контекстуальные».

Результаты фиксировались в таблице с пятью параметрами: номер позиции, лексема или словосочетание, контекст, функция в аргументации, лингвистический комментарий. Полученные данные были проверены вручную. Критериями верификации выступали: 1) наличие единицы в одном из четырех заданных фрагментов; 2) точность цитаты; 3) соответствие единицы заявленному типу; 4) синтаксическая и лексико-семантическая роль единицы; 5) наличие аргументативной функции в конкретной речевой ситуации.

Под коррекцией понимались уточнение цитатной границы, изменение функциональной квалификации единицы или перенос ее из одной классификационной группы в другую. Единицы, отсутствующие в заданном корпусе или не выполняющие аргументативной функции, исключались из итоговой интерпретации. Верификация проводилась автором исследования; отсутствие межэкспертной проверки рассматривается как ограничение данной статьи и как задача дальнейшей работы.

Первичная LLM-выдача использовалась только как эвристический материал для последующей функционально-семантической проверки. Окончательный статус единицы определялся автором по ее наличию в корпусе, точности цитаты и функции в речевой ситуации с учетом аналитической матрицы. Полные первичные выдачи сохранены автором, но не включены в текст из-за объема.

Результаты ручной верификации LLM-инструментов

Первичные результаты трех пользовательских интерфейсов оказались неоднородными по объему и характеру. Интерфейс DeepSeek дал 30 единиц, «Алиса AI» – 10 единиц, ChatGPT – 80 единиц. Эти числа не интерпретируются как частотность аргументативных средств в тексте и не служат основанием для общего рейтинга моделей. Они характеризуют только объем первичной LLM-выдачи в рамках данного эксперимента, заданной инструкции и выбранного корпуса. Полученные списки единиц требуют последующей ручной фильтрации.

Таблица 3. Результаты ручной верификации LLM-инструментов

Модель	*Первичный результат*	*Результат ручной верификации*	*Методическое использование результата*
DeepSeek (интерфейс: DeepSeek V4)	30 единиц	4 подтверждены без существенной правки; 7 подтверждены после коррекции; 19 исключены. Основная причина исключения: выход за пределы четырех фрагментов, включение материала из других частей романа	Материал для анализа риска нарушения границ корпуса
«Алиса AI» (интерфейс: версия 26.11.1)	10 единиц	2 подтверждены без существенной правки; 2 подтверждены после коррекции; 6 исключены. Основная причина исключения: редукция анализа к явным логическим и эпистемическим связкам, часть цитат вне заданного корпуса	Пример минимальной формально-логической классификации
ChatGPT (интерфейс: GPT-5.5 Thinking)	80 единиц	68 подтверждены без существенной правки; 5 подтверждены после коррекции; 7 исключены. Основная причина исключения: расширительное толкование тематических, эмоциональных или общедискурсивных единиц как аргументативных	Наиболее широкий перечень функционально подтвержденных единиц после ручной верификации

Количественные данные в таблице 3 не рассматриваются как показатели precision / recall, поскольку в исследовании не создавалась независимая эталонная разметка (gold standard). Они характеризуют только соотношение единиц, первично выделенных LLM-инструментами, и результатов последующей авторской ручной верификации. В связи с этим выводы о LLM-инструментах формулируются не как оценка качества моделей вообще, а как описание конкретных типов ошибок и возможностей в заданной филологической задаче.

Таблица 4. Основные типы ошибок первичной LLM-классификации

Тип ошибки	*Конкретный пример / контрольная цитата*	*Почему это ошибка*	*Решение при ручной проверке*
Нарушение границ корпуса	Например: *«все в руце Божьей», «не мудрствуйте лукаво», «имаши скоро умрети»*	Единицы тематически связаны с романом, но отсутствуют в четырех анализируемых фрагментах	Исключение без интерпретации
Смешение темы и аргумента	*«От прикосновений Христофора Андрон подрагивал всем телом…»;* ср. контрастно: *«Но тело, которое ему дано на время жизни, прекрасно»*	В первом случае слово *тело* является описательной деталью; во втором оно включено в тезис о временности и ценности человеческого тела	Сохраняется только то употребление, которое участвует в обосновании тезиса, оценки или вывода
Эмоциональная реплика без аргументативной функции	*«Мне страшно, Арсение»; «Не хочу, Арсение»; «все будет хорошо»*	Реплики выражают страх, отказ или успокоение, но сами по себе не формируют отношение основания и вывода	Исключение из списка маркеров; возможен учет в комментарии к речевой ситуации
Общедискурсивная единица	*«Сердце, например, питает все тело кровью…»; «Между прочим, оттопыренные уши… – признак празднословия»*	*Например* и *между прочим* организуют изложение, но не всегда являются самостоятельными средствами аргументации; аргументативной может быть вся конструкция	Единица не учитывается изолированно; при необходимости анализируется только вместе с полным высказыванием
Неточная цитатная граница	Недостаточно выделить только «*потому что*» или «*ибо*». Минимальная граница: *«потому что в окрестных деревнях голод»; «ибо способны обозначать священные понятия»*	Без зависимого основания невозможно определить, что именно обосновывается и каким образом оформляется причинная связь	Цитата расширяется или сужается до минимальной завершенной аргументативной единицы

Перечисленные типы ошибок показывают, что ручная проверка LLM-ответов не может ограничиваться формальным сопоставлением списков единиц. Она предполагает последовательный контроль границ корпуса, точности цитаты, синтаксической роли и аргументативной функции языковой единицы.

Ручная верификация выявила различия в характере первичной разметки: DeepSeek чаще выходил за границы заданного корпуса, «Алиса AI» преимущественно фиксировала эксплицитные причинные и эпистемические маркеры, тогда как ChatGPT давал наиболее широкий набор единиц, включая тематические и эмоционально-оценочные

элементы. В итоговую классификацию включались только единицы, присутствующие в одном из четырех фрагментов и выполняющие аргументативную функцию в конкретной речевой ситуации.

Таблица 5. Итоговая классификация верифицированных единиц

Группа	*Тип единиц*	*Верифицированные примеры*	*Функция в тексте*
Собственно аргументативные маркеры	Причинные, следственные, целевые и выводные связки	*потому что; ибо; ввиду; за отсутствием; вот почему; и потому; чтобы; значит; от этого*	Непосредственно оформляют отношения основания, следствия, цели, вывода
Эпистемико-модальные и риторико-прагматические конструкции	Формулы источника знания, степени уверенности, позиции говорящего, риторические вопросы, перформативы запрета и волюнтативные формулы	*предполагают; многие верили; говорили, что; такое мнение основано на том; судя по; скорее всего; можно с уверенностью сказать; Мы знаем; Можно ли принимать роды по написанному?; Как я могу молчать?; О чем это говорит?; Это говорит о том, что; Я запрещаю; и мы войдем*	Указывают на источник знания, степень его достоверности и позицию говорящего; организуют спор, давление, контраргументацию, переадресацию вывода или переход аргумента в действие
Контекстуально аргументативные лексические единицы	Лексические единицы, приобретающие аргументативную функцию только в конкретной речевой ситуации; среди них представлены религиозно-богословские и соматические номинации, тогда как оценочная маркированность учитывается как отдельная семантико-прагматическая характеристика	*слово; молчание; тело; душа; Господь; Творец; Всевышний; грехи; мрак; воскресение*	Участвуют в формировании основания, оценки или вывода в зависимости от конкретного контекста

Аргументативные маркеры и эпистемико-модальные конструкции

Наиболее очевидный уровень аргументационной организации в анализируемых фрагментах образуют причинные, следственные, целевые и выводные связки. К ним относятся: *потому что, ибо, ввиду, за отсутствием, от этого, вот почему, и потому, значит, чтобы*. Данные единицы составляют ядро аналитической выборки, поскольку непосредственно выражают отношения основания, следствия, цели или вывода.

В «Пролегомене» логическая аргументация строится вокруг роли слова в средневековом врачевании. Конструкция «*Ввиду ограниченного набора медикаментов*» объясняет, почему роль слова была значительнее, чем в современности [Водолазкин 2012: 5]. Формула «*За отсутствием диагностической техники*» мотивирует необходимость подробного описания болезни больными. Выражение «*от этого им становилось легче*» показывает результат словесного высказывания. Слово оказывается не только средством коммуникации, но и частью лечебного действия.

Аргументативная структура фрагмента может быть представлена следующим образом: тезис – в средневековом лечении слово имело особую силу; основание – ограниченность медикаментов и отсутствие диагностической техники; маркеры – *ввиду, за отсутствием, от этого*; вывод – речь больного, врача и родственников становилась частью лечебной практики. Следовательно, языковая организация фрагмента не просто сообщает сведения о медицине, а строит причинно-следственную модель, в которой слово приобретает персуазивную и терапевтическую функцию.

В «Книге Познания» логические связки входят в богословское рассуждение о человеческом теле и душе. Христофор объясняет устройство человеческого тела через назначение органов: сердце защищено ребрами, зубы тверды, язык мягок, ухо имеет форму раковины. Логические связки «*вот почему*», «*и потому*», «*чтобы*» превращают описание органов в телеологически организованное рассуждение: каждая часть тела получает объяснение через свою цель и смысл. Так возникает аргумент о премудрости Божией, отраженной в малом человеческом теле [Водолазкин 2012: 25–26].

Союз *ибо* не является нейтральным эквивалентом современного союза *потому что*, поскольку одновременно выражает причинное отношение и маркирует книжно-богословский регистр. В формуле «*ибо с телом животного душа его умирает*» причинность соединяется с учением о соотношении животной и человеческой души [Водолазкин 2012: 26]. При ручной верификации союз *ибо* был отнесен к собственно аргументативным маркерам; его книжно-богословская стилистическая маркированность учитывалась как дополнительная характеристика.

Эпистемико-модальные и риторико-прагматические конструкции образуют второй уровень аргументации. В «Пролегомене» используются эпистемически значимые единицы и конструкции: *предполагают, говорили, многие верили, такое мнение основано на том, судя по, скорее всего, можно с уверенностью сказать*. Они маркируют различные способы представления знания и степень его достоверности:

предположение о происхождении слова, сообщение со слов других, коллективное мнение, наблюдение и авторскую оценку. Итоговый вывод возникает как результат соотнесения этих эпистемических позиций, а не как самостоятельный источник знания.

Конструкция «*Предполагают, что слово врач происходит от слова врати*» задает гипотетическую основу дальнейшего рассуждения [Водолазкин 2012: 5]. Выражение «*Такое мнение основано на том*» вводит основание чужой точки зрения. Конструкция «*Думающие так забывают, однако*» позволяет повествователю откорректировать распространенное мнение о бессмертии героя. В результате анализ фрагмента позволяет разграничить различные способы представления знания по степени их достоверности.

В финальном фрагменте особое значение имеет конструкция «*Мы знаем*». Мужчины Рукиной слободки используют ее как выражение коллективной уверенности и как основание обвинения: «*Мы знаем, старче, что она там*» [Водолазкин 2012: 327]. Однако эта уверенность не опирается на проверяемый факт: ее основанием становятся слух, страх и потребность найти виновного. Тем самым эпистемическая конструкция «*мы знаем*» не подтверждает достоверность знания, а выполняет прагматическую функцию давления на адресата.

Контекстуально аргументативная лексика

В анализируемых фрагментах контекстуально аргументативную функцию реализуют лексические единицы различной семантики. Религиозно-богословский компонент представлен такими единицами, как *Господь, Творец, Всевышний, воскресение, благодать*; представления о человеческой телесности и природе актуализируются единицами *тело, душа, прах, персть*. Их семантическая принадлежность сама по себе не определяет аргументативного статуса: он устанавливается с учетом участия единицы в формировании тезиса, основания, оценки или вывода в конкретной речевой ситуации.

Во втором фрагменте центральной является оппозиция *тело – душа*. Христофор начинает с библейской формулы: «*Человек сотворен из праха. И в прах обратится*» [Водолазкин 2012: 25]. Она задает тезис о смертности человека. Однако далее *тело* не обесценивается: оно называется прекрасным, поскольку в нем отражается «*безграничная премудрость Божия*». Так возникает сложная аргументация: тело временно, но не ничтожно; смертно, но наполнено смыслом; подвержено распаду, но включено в перспективу воскресения.

Лексема *душа* организует дальнейшее рассуждение. Христофор объясняет Арсению, что душа делает человека живым и задает границу между человеком, камнями и растениями. Затем проводится различие между животной и человеческой душой: душа животного соприродна телу и умирает вместе с ним, а человеческая душа «*телу инородна*» и «*от самого Творца вдуновена благодатию*» [Водолазкин 2012: 26]. Здесь религиозно-богословская номинация реализует аргументативную функцию: через нее объясняется особое положение человека и обосновывается положение о воскресении.

Лексема *воскресение* завершает этот ход рассуждения. Христофор приводит образ разлитой ртути, которая распадается на мелкие шарики, но не смешивается с землей. Этот образ служит основанием для аналогического перехода к выводу: «*Так и Всевышний вновь соберет наши разложившиеся тела для всеобщего воскресения*» [Водолазкин 2012: 27]. Конструкция *так и* оформляет переход от наглядной аналогии к религиозно-богословскому выводу о всеобщем воскресении.

В рассматриваемых фрагментах оценочная лексика не просто сопровождает сюжет, а помогает объяснить происходящее с нравственной точки зрения. К таким словам и выражениям относятся *прекрасно, грехи, мрак, неправ, смерть лучше живота, Не дай Бог*. Они важны потому, что сразу выводят событие за пределы нейтрального описания: читатель видит не только сам факт, но и то, как этот факт оценивается внутри художественного мира романа.

В эпизоде с Устиной эта особенность заметна. Телесная боль связывается с категорией греха: «*Потому что ее, Устины, грехи превышали собой грехи всей той округи, и за это надо же было когда-нибудь ответить*» [Водолазкин 2012: 72]. В этой фразе важны слова *грехи* и *ответить*. Первое слово переводит страдание в религиозно-нравственный план, второе указывает на идею ответственности и воздаяния. В связи с этим боль Устины воспринимается не только как физическое мучение, но и как событие, которому в тексте придается нравственный смысл.

Сначала понимание трагедии строится через тело. Устина уже не слышит ребенка, Арсений не чувствует жизни в ее утробе. Для него это не отвлеченные признаки, а страшное телесное свидетельство: отсутствие звука, движения и жизни становится основанием для вывода о смерти ребенка. Затем этот вывод получает более широкий смысл. Страх Арсения, боль Устины и ощущение утраты соединяются с представлениями о вине, грехе и ответственности. Так в одном эпизоде телесное знание постепенно переходит в нравственное осмысление.

В заключительном фрагменте сходную функцию выполняет слово *мрак*. Лавр говорит мужчинам Рукиной слободки: «*Это говорит о том, что в ваших головах мрак*» [Водолазкин 2012: 326]. Здесь особенно важно сочетание *в ваших головах*. Оно показывает, что речь идет не о внешней темноте, а о состоянии сознания. Мужчины связывают голод с Анастасией и опираются на уверенную формулу «*мы знаем*», но это «*знание*» оказывается ненадежным: за ним стоят слух, страх и желание найти виновного. Лавр разрушает такую связь причины и следствия. Он переводит внимание с Анастасии на самих обвинителей, точнее – на тот способ мышления, который превращает страх в обвинение.

Риторико-прагматические конструкции и нарративные показатели позиции

В данных фрагментах аргументативный смысл создается не только отдельными словами, но

и самой речевой формой. Вопрос, повтор, побуждение, обозначение позиции говорящего показывают, как персонаж пытается объяснить ситуацию или повлиять на собеседника. Они не являются обычными логическими связками, но помогают увидеть движение мысли внутри диалога или повествования.

В «Пролегомене» важен повтор: «*Говорили врачи. Говорили больные. Говорили родственники больных*» [Водолазкин 2012: 5–6]. Здесь трижды повторяется глагол *говорили*. В результате возникает образ пространства, наполненного речью: вокруг болезни звучат объяснения, просьбы, жалобы, советы. На таком фоне молчание героя становится особенно заметным. Оно уже не выглядит простым отсутствием слов. Скорее, молчание противопоставлено многословию как иной способ присутствия и воздействия. Если окружающие пытаются объяснять болезнь словами, то герой действует иначе – через внутреннее, духовное участие.

В эпизоде с Устиной вопрос «*Можно ли принимать роды по написанному?*» [Водолазкин 2012: 70] обращен против безусловного доверия к записи. Для Арсения текст Христофора важен, потому что в нем сохраняются опыт старшего и авторитет врачебного знания. Но ситуация родов не совпадает с книжным описанием. Устина опирается на непосредственный телесный опыт родов и боли, поэтому ее вопрос функционирует как возражение против безусловного доверия к письменному знанию.

Вопрос Арсения «*Но разве мы не одно целое?*» имеет другую функцию. Герой стремится остаться рядом с Устиной и объясняет это их любовным и духовным единством. Однако такой довод оказывается недостаточным. Ответ Устины показывает, что даже близость не уничтожает личную телесную границу, поэтому вопрос Арсения воспринимается не как строгое доказательство, а как попытка убедить Устину позволить ему остаться рядом. Этот вопрос раскрывает желание Арсения остаться рядом с Устиной, но одновременно показывает недостаточность приводимого им довода.

В этих примерах повтор и вопросительные конструкции участвуют в речевом обосновании позиции говорящего и в оспаривании позиции собеседника. Повтор *говорили* в «Пролегомене» подводит к противопоставлению *слова* и *молчания*. Вопрос Устины выявляет предел книжного знания перед телесным опытом. Вопрос Арсения показывает, что аргумент о единстве не всегда может преодолеть личную границу другого человека. В связи с этим аргументация в этих фрагментах строится не в виде готовой логической схемы, а через конкретную речевую ситуацию, где сама форма высказывания меняет понимание происходящего.

После осознания смерти ребенка Арсений произносит: «*Как я могу молчать?*» [Водолазкин 2012: 71]. Это риторический вопрос внутреннего разрыва: герой знает истину, но не может ее произнести. Молчание здесь предстает не как спокойствие, а как трагическое состояние между знанием и словом. Для языковых моделей подобные случаи особенно трудны, потому что аргументативная функция возникает не в отдельной лексеме, а в конфликте между знанием, речью и невозможностью высказывания.

В финальном фрагменте вопрос «*О чем это говорит, старче?*» используется толпой как инструмент давления [Водолазкин 2012: 326]. Мужчины уже имеют готовый вывод и ждут от Лавра подтверждения. Однако Лавр разрушает их схему краткой формулой о мраке в головах. Одна и та же метадискурсивная конструкция «*Это говорит о том, что*» становится точкой столкновения двух способов мышления – обвинительного и духовно-оценочного.

Нарративные показатели позиции особенно важны для романа «Лавр», потому что повествование постоянно маркирует источники знания. В тексте появляются формулы *говорили, многие верили, предполагают, он знает, ему казалось, он чувствовал, он видел*. Они показывают, кто именно является носителем знания и насколько это знание надежно. В эпизоде с Устиной знание имеет телесно-сенсорную природу: Устина не слышит ребенка, Арсений не чувствует жизни в ее утробе, и это становится основанием страшного вывода.

Таким образом, автоматическая фиксация риторических и нарративных показателей требует контекстуальной проверки их прагматической и аргументативной функции в конкретной речевой ситуации.

Методологическое значение LLM-разметки

LLM-разметка рассматривается в работе как этап первичного отбора. После автоматического извлечения единицы проверяются по границам корпуса, точности цитаты, синтаксической роли и функции в конкретной речевой ситуации, после чего распределяются по функциональным группам. Такая процедура особенно важна для риторико-прагматических конструкций и контекстуально аргументативных лексических единиц, статус которых определяется контекстом. Выводы ограничены заданным корпусом, инструкцией и использованными интерфейсами.

Заключение

Анализ четырех фрагментов романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» показывает, что их аргументативная организация реализуется посредством языковых единиц нескольких функциональных типов. Наряду с эксплицитными причинными, следственными, целевыми, выводными маркерами в аргументативной организации анализируемых фрагментов участвуют эпистемико-модальные и риторико-прагматические конструкции и контекстуально аргументативные лексические единицы.

Первый результат исследования состоит в уточнении состава единиц с аргументативной функцией. В «Пролегомене» центральным становится метаязыковой комплекс *слово – говорить – заговаривать – убеждать – молчание – безмолвие*. В «Книге Познания» значимую роль играют религиозно-богословские номинации *(Господь, Творец, воскресение)* и лексика, связанная с представлением

о человеческой телесности и душе *(тело, душа, прах, персть)*. В эпизоде с Устиной аргументация связана с телесной болью, страхом, грехом, молчанием и невозможностью произнести страшное знание. В фрагменте с Анастасией выявляется конфликт между ложной коллективной каузацией и духовной оценкой Лавра.

Второй результат заключается в разграничении трех групп единиц. Собственно аргументативные маркеры непосредственно оформляют причинные, следственные, целевые и выводные отношения. Эпистемико-модальные и риторико-прагматические конструкции указывают на источник и степень достоверности знания, на позицию говорящего. Контекстуально аргументативные лексические единицы приобретают аргументативную функцию только в конкретной речевой ситуации и требуют контекстуальной функционально-семантической интерпретации.

Третий результат связан с тремя типами расхождений между первичной LLM-разметкой и итоговой функциональной квалификацией: выходом за границы корпуса (DeepSeek), преимущественным выделением эксплицитных маркеров («Алиса AI») и расширительным включением тематических либо эмоционально-оценочных единиц (ChatGPT). Эти наблюдения относятся только к заданной инструкции, корпусу и использованным интерфейсам. Для художественного текста определяющим остается контекстуальный анализ, учитывающий позицию говорящего, историко-стилистическую организацию текста и религиозно-богословскую семантику анализируемых единиц.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса до полного текста романа, уточнением количественных параметров идентификации, оценкой межэкспертной согласованности при отнесении языковых единиц к выделенным функциональным группам и сопоставлением LLM-инструментов с традиционным корпусным поиском. Это позволит точнее определить, какие типы аргументативных средств в художественном тексте поддаются автоматизированному обнаружению, а какие требуют исключительно контекстуальной филологической интерпретации.

Источники

Водолазкин, Е. Г. Лавр / Е. Г. Водолазкин. – Москва : Астрель, 2012. – 448 с. – ISBN 978-5-17-078790-6.

Литература

Алексеев, А. П. Теория аргументации в эпоху манипуляций / А. П. Алексеев // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2013. – № 5. – С. 67–77. – EDN REVUWP.

Аманғазықызы, М. Цифровое литературоведение: обзор практик и перспективы в казахстанском литературоведении / М. Аманғазықызы, А. Гыля, В. В. Сиряченко // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. – 2024. – № 4. – С. 300–314. – DOI: 10.59102/kufil/2024/iss4pp300-314. – EDN CSEPGT.

Гавришина, И. Н. Лингвистически ориентированные концепции аргументации / И. Н. Гавришина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-1 (90). – С. 99–104. – DOI: 10.30853/filnauki.2018-12-1.21. – EDN VMVBQR.

Григорьева, В. С. Когнитивный ракурс аргументации / В. С. Григорьева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 6 (111). – С. 140–150. – DOI: 10.23859/1994-0637-2022-6-111-11. – EDN JSVUVS.

Иоанесян, Е. Р. Имплицитная оценка и аргументация / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 62–77. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-62-77. – EDN ATOYFX.

Кодоцигова, О. Художественное время в древнерусской агиографии и романе Евгения Водолазкина Лавр / О. Кодоцигова // Slovo. – 2026. – Vol. 15, no. 1/2025. – P. 45–57. – DOI: 10.62229/slv15/3. – EDN VTUSOC.

Кузина, Е. Б. Аргументация в доказательстве / Е. Б. Кузина // Ценности и смыслы. – 2019. – № 6 (64). – С. 131–143. – DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10102. – EDN APNXCE.

Шуринова, Н. С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» / Н. С. Шуринова // Новое прошлое. – 2016. – № 4. – С. 99–110. – DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-99-110. – EDN XISDDJ.

A Survey of Large Language Models / W. X. Zhao, K. Zhou, Ju. Li [et al.] // Frontiers of Computer Science. – 2026. – Vol. 20, no. 12. – P. 2012627. – DOI: 10.1007/s11704-026-60308-3. – EDN PQJLPV.

A Survey on Evaluation of Large Language Models / Y. Chang, X. Wang, J. Wang [et al.] // ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology. – 2024. – Vol. 15, no. 3. – Article 39. – P. 1–45. – DOI: 10.1145/3641289.

Akazawa, M. Literaturwissenschaftlich Arbeiten mit großen Sprachmodellen? / M. Akazawa, E. Gius // Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik. – 2025. – Vol. 55, no. 2. – P. 449–474. – DOI: 10.1007/s41244-025-00383-4. – EDN PMAXLO.

BERT: Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding / J. Devlin, M.-W. Chang, K. Lee, K. Toutanova // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, Volume 1 (Long and Short Papers). – Minneapolis : Association for Computational Linguistics, 2019. – P. 4171–4186. – DOI: 10.18653/v1/N19-1423.

Habernal, I. Argumentation mining in user-generated web discourse / I. Habernal, I. Gurevych // Computational Linguistics. – 2017. – Vol. 43, no. 1. – P. 125–179. – DOI: 10.1162/COLI_a_00276. – EDN YYMNPV.

Lawrence, J. Argument mining: A survey / J. Lawrence, C. Reed // Computational Linguistics. – 2019. – Vol. 45, no. 4. – P. 765–818. – DOI: 10.1162/COLIa00364. – EDN UCODMA.

Lippi, M. Argumentation Mining: State of the Art and Emerging Trends / M. Lippi, P. Torroni // ACM Transactions on Internet Technology. – 2016. – Vol. 16, no. 2. – Article 10. – P. 1–25. – DOI: 10.1145/2850417.

Machine learning in computational literary studies / H. O. Hatzel, H. Stiemer, Ch. Biemann, E. Gius // IT. Information Technology. – 2023. – Vol. 65, no. 4-5. – P. 200–217. – DOI: 10.1515/itit-2023-0041. – EDN EHPHHF.

On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E. M. Bender, T. Gebru, A. McMillan-Major, S. Shmitchell // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York : ACM, 2021. – P. 610–623. – DOI: 10.1145/3442188.3445922.

Stab, C. Parsing Argumentation Structures in Persuasive Essays / C. Stab, I. Gurevych // Computational Linguistics. – 2017. – Vol. 43, no. 3. – P. 619–659. – DOI: 10.1162/COLI_a_00295.

References

Akazawa, M., Gius, E. (2025). Literaturwissenschaftlich Arbeiten mit großen Sprachmodellen? *Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik*, *55*(2), 449–474. DOI: 10.1007/s41244-025-00383-4. EDN PMAXLO.

Alekseev, A. P. (2013). Teoriya argumentatsii v epokhu manipulyatsiy = Argumentation theory in the age of manipulation. *Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*, *5*, 67–77. EDN REVUWP.

Amanғazyқyzy, M., Gylya, A., Siryachenko, V. V. (2024). Tsifrovoe literaturovedenie: obzor praktik i perspektivy v kazakhstanskom literaturovedenii = Digital literary studies: A review of practices and prospects in Kazakhstani literary studies. *Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University Philological Series*, *4*, 300–314. DOI: 10.59102/kufil/2024/iss4pp300-314. EDN CSEPGT.

Bender, E. M., Gebru, T., McMillan-Major, A., Shmitchell, S. (2021). On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*, 610–623. New York: ACM. DOI: 10.1145/3442188.3445922.

Chang, Y., Wang, X., Wang, J. et al. (2024). A Survey on Evaluation of Large Language Models. *ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology*, *15*(3). Article 39, 1–45. DOI: 10.1145/3641289.

Devlin, J., Chang, M.-W., Lee, K., Toutanova, K. (2019). BERT: Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies (volume 1 (Long and Short Papers))*, 4171–4186. Minneapolis: Association for Computational Linguistics. DOI: 10.18653/v1/N19-1423.

Gavrishina, I. N. (2018). Lingvisticheski orientirovannye kontseptsii argumentatsii = Linguistically oriented concepts of argumentation. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *12-1*(90), 99–104. DOI: 10.30853/filnauki.2018-12-1.21. EDN VMVBQR.

Grigorieva, V. S. (2022). Kognitivnyy rakurs argumentatsii = Cognitive perspective of argumentation. *Cherepovets State University Bulletin*, *6*(111), 140–150. DOI: 10.23859/1994-0637-2022-6-111-11. EDN JSVUVS.

Habernal, I., Gurevych, I. (2017). Argumentation mining in user-generated web discourse. *Computational Linguistics*, *43*(1), 125–179. DOI: 10.1162/COLI_a_00276. EDN YYMNPV.

Hatzel, H. O., Stiemer, H., Biemann, Ch., Gius, E. (2023). Machine learning in computational literary studies. *IT. Information Technology*, *65*(4-5), 200–217. DOI: 10.1515/itit-2023-0041. EDN EHPHHF.

Ioanesyan, E. R. (2020). Implitsitnaya otsenka i argumentatsiya = Implicit evaluation and argumentation. *Scientific Dialogue*, *1*, 62–77. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-62-77. EDN ATOYFX.

Kodotsigova, O. (2026). Khudozhestvennoe vremya v drevnerusskoy agiografii i romane Evgeniya Vodolazkina Lavr = Artistic time in Old Russian hagiography and in Evgeny Vodolazkin's novel Laurus. *Slovo*, *15*(1/2025), 45–57. DOI: 10.62229/slv15/3. EDN VTUSOC.

Kuzina, E. B. (2019). Argumentatsiya v dokazatel'stve = Argumentation in proof. *Values and Meanings*, *6*(64), 131–143. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10102. EDN APNXCE.

Lawrence, J., Reed, C. (2019). Argument mining: A survey. *Computational Linguistics*, *45*(4), 765–818. DOI: 10.1162/COLIa00364. EDN UCODMA.

Lippi, M., Torroni, P. (2016). Argumentation Mining: State of the Art and Emerging Trends. *ACM Transactions on Internet Technology*, *16*(2). Article 10, 1–25. DOI: 10.1145/2850417.

Shurinova, N. S. (2016). «Mertvyy yazyk» kak sredstvo voskresheniya sub"ektivnosti «drugogo» v romane E. G. Vodolazkina «Lavr» = "Dead language" as a means of resurrecting the subjectivity of the "Other" in E. G. Vodolazkin's novel "Laurus". *The New Past*, *4*, 99–110. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-99-110. EDN XISDDJ.

Stab, C., Gurevych, I. (2017). Parsing Argumentation Structures in Persuasive Essays. *Computational Linguistics*, *43*(3), 619–659. DOI: 10.1162/COLI_a_00295.

Zhao, W. X., Zhou, K., Li, Ju. et al. (2026). A Survey of Large Language Models. *Frontiers of Computer Science*, *20*(12), 2012627. DOI: 10.1007/s11704-026-60308-3. EDN PQJLPV.

Данные об авторах

Митрофанова Ирина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, г. Москва, mitrofanova-ii@rudn.ru

Гун Пин – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, г. Москва, 1724927431@qq.com

Authors' information

Mitrofanova Irina Igorevna – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, RUDN University, Russian Federation, Moscow

Ping Gong – Postgraduate Student of Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, RUDN University, Russian Federation, Moscow

Дата поступления: 21.06.2026; дата публикации: 31.10.2026

Date of receipt: 21.06.2026; date of publication: 31.10.2026